

Даже под тяжестью обвинений Хэ Сюэчжэня Фань Сюэпин отказывался признать вину. В его голосе клокотала застарелая, удушливая обида:

— Да, я ненавижу тебя! Ненавижу за то, как несправедлив этот мир! С какой стати ты, Хэ Сюэчжэнь, с самого рождения греешься в лучах славы как сын главы Школы Наполненных Созвездий, пока я гнил в захолустном городишке, терпя издевательства и плевки как безродный ублюдок? Я ненавижу тебя за то, что у тебя есть всё, а у меня — ничего!

Его захлестнули воспоминания. В юности он тайком сбежал из Города Изогнутой Ширмы и проделал долгий путь к Школе Наполненных Созвездий, надеясь отыскать отца. Но стражи у ворот преградили ему путь, не позволив сделать и шага за порог. Ему не оставалось ничего другого, кроме как сиротливо примоститься у подножия великой горы, провожая тоскливым взглядом бесконечную вереницу людей.

В тот день с горы спускалась группа учеников. Вел их старший адепт, за которым гурьбой шли еще человек восемь или девять, а в самом хвосте семенил крошечный малец. Он едва доставал старшим до пояса, но его ученическое одеяние сидело на нем безупречно, волосы были аккуратно собраны в пучок, а спина оставалась натянутой как струна. Из-за этого подчеркнуто серьезного, не по годам чинного вида Фань Сюэпин не мог оторвать от него взгляда.

Пропуская их, дежурный у ворот весело усмехнулся:

— Младший брат Сюэчжэнь, ну расскажи, сколько тварей ты одолел на этот раз?

— Целых восемь! — с гордостью выкрикнул один из старших адептов вместо мальчика.

— Ого! Ну и силен же наш младший брат, сразу видно — сын главы! А ну-ка, давай прокачу!

С этими словами страж легко, одной рукой подхватил ребенка и усадил себе на плечо.

Малыш жутко смутился, мгновенно залившись краской. На его обычно строгом, невозмутимом личике проступила редкая робкая стыдливость.

— Братец, отпусти меня, прошу... — тихонько пролепетал он.

Но старшие лишь дружно расхохотались. Передавая его из рук в руки и катая на плечах, они со смехом скрылись за воротами обители.

Фань Сюэпин смотрел им вслед с удушающей завистью. Сын главы? Неужели это и есть тот самый старший сын, о котором вскользь упоминал отец?

«Его зовут Хэ Сюэчжэнь?..»

«Если бы отец женился на моей матери по всем правилам, если бы она стала его законной спутницей на пути совершенствования... тогда на месте этого мальчишки, окруженный всеобщей любовью и заботой, сейчас был бы я!»

— Но у тебя были дядя и тетя, была мать, была старшая сестра... С чего ты взял, будто у тебя ничего не было? — Хэ Сюэчжэнь смотрел на него без малейшего сочувствия, его лицо оставалось холодным, как лед. — Ты просто не ценил то, чем владел. Твоя жадность не знала границ.

— Обыкновенная завистливая тварь, вот и беснуется, — язвительно подлила масла в огонь Линьюй.

— Хватит тратить на него слова. Позволь мне оборвать его жалкую жизнь, — раздался ледяной голос откуда-то сверху.

Хэ Сюэчжэнь и Фань Сюэпин одновременно вскинули головы. Цуй Чжи, парящий на своем духовном мече, уже опускался к ним.

Побледнев от ужаса, Фань Сюэпин бросился наутек, надеясь укрыться в Демонических землях. Цуй Чжи равнодушно провожал его взглядом с высоты своего полета.

— Фань Сюэпин, — негромко произнес он, — тот, кто посмел обмануть меня, должен быть готов заплатить за это кровью.

Поняв, что уйти не удастся, беглец мгновенно, без тени сомнения рухнул на колени и запричитал, униженно бясь лбом о землю:

— Старший брат Сюэчжэнь! Глава семьи Цуй! Умоляю, пощадите! Я сам, своими руками разрушу собственное совершенствование, только сохраните мне жизнь! Я был глуп, завистлив, ничтожен... Молю вас, сжальтесь!..

— Среди всех, кого мне довелось лишить жизни, ты — самое жалкое отребье, — обронил Цуй Чжи.

Он вскинул руку. Его клинок мгновенно разделился на мириады светящихся лезвий. Подобно золотистой пелене ливня, они хлынули с небес, отсекая Фань Сюэпину любые пути к отступлению.

Это была легендарная техника Достопочтенного Данььюаня — «Золотой Свет и Мелкий Дождь». Если этот смертоносный дождь начинался, спасения не было ни для кого.

Сдавленный вой Фань Сюэпина оборвался на полуслове.

Хэ Сюэчжэнь медленно подошел ближе.

Предатель уже не дышал.

Цуй Чжи опустился на землю и убрал оружие. Брезгливо покосившись на бездыханное тело, он повернулся к Хэ Сюэчжэню.

Для Сюэчжэня, прошедшего через сотню перерождений, обиды на Хэ Чуншаня и Фань Сюэпина давно утратили прежнюю остроту, превратившись в едва различимый осадок. Теперь же, со смертью обоих виновников его прежних бед, исчезла и эта последняя тень — осыпалась легким прахом, который уносит ветер.

Он перевел взгляд на кружившую рядом Линьюй. Теперь, когда Фань Сюэпин был мертв, ее дальнейшая судьба оставалась неопределенной.

— Твой мучитель мертв, — негромко спросил ее Хэ Сюэчжэнь. — Ты все еще жаждешь мести?

Маленький воробыный демон завис в воздухе, смешно сложив крылышки на груди, и фыркнул:

— Ты ведь тоже приложил руку к моим бедам. И что, послушно подставишь шею под удар?

— Нет.

— Ну вот и все. Из твоих рук мне все равно не вырваться, так что делай со мной что хочешь. А мечь... отложу ее до следующей жизни.

— В таком случае я помогу тебе переродиться, — Хэ Сюэчжэнь сотворил заклинание.

В воздухе соткалась нежно-голубая печать, и от нее потянулись тонкие струйки белесого тумана. Линьюй сделала прощальный круг, тая на глазах. Прямо перед тем как окончательно раствориться в воздухе, она негромко прошептала:

— Хэ Сюэчжэнь... если я действительно перерожусь... не хочу больше рождаться демоном...

Договорить она не успела — ее силуэт бесследно растаял. Хэ Сюэчжэнь опустил руки и какое-то время молча смотрел на опустевшее место. Затем развернулся и зашагал в сторону военного лагеря.

Цуй Чжи безмолвной тенью следовал сзади. Он оберегал его путь: стоило какому-нибудь безумному демону выскочить из зарослей, как «Золотой Свет и Мелкий Дождь» мгновенно стирал угрозу с лица земли еще до того, как Сюэчжэнь успевал ее заметить.

Хэ Сюэчжэнь демонстративно не обращал на него внимания, а Цуй Чжи не смел навязываться, страхась вызвать очередное раздражение. Так они и дошли до самого лагеря. К счастью, Сыту Хэншаня там не оказалось, иначе их встреча с Цуй Чжи неизбежно закончилась бы кровопролитным боем.

Цуй Чжи остановился у самых ворот, провожая Сюэчжэня долгим взглядом, пока тот не скрылся внутри.

Он явился в эти края лишь ради Сюэчжэня и расправы над Фань Сюэпином, совершенно не желая ввязываться в войну праведных сект против Демонических земель. Не став заходить в лагерь, Цуй Чжи призвал меч и взмыл в небо, опасаясь, что если задержится хоть на миг, Сюэчжэнь вновь одарит его презрительным взглядом и процедит сквозь зубы: «Хватит тешить себя иллюзиями, ты жалок».

Теперь единственным его желанием было оберегать Сюэчжэня издалека, пытаясь искупить вину за все предательства прошлой жизни. Он готов был ждать сотни, тысячи лет в надежде, что тот однажды сменит гнев на милость, позволит подойти ближе, и они снова смогут идти рука об руку, деля вино и дружескую беседу.

Цуй Чжи обосновался на вершине уединенной горы неподалеку от лагеря. Отсюда он уже несколько дней наблюдал за ходом великой битвы. По его мнению, Владыка Демонов Лин Сюэси был слишком хитер и изворотлив. Смерть Хэ Чуншаня нанесла удар по его силам, но у него оставалось предостаточно преданных слуг, так что быстрой победы ждать не приходилось.

Будучи ветераном прошлой войны, Цуй Чжи мог бы в одиночку переломить ход сражения, но у него не было ни малейшего желания вмешиваться в чужие распри.

В его израненной душе теперь жили лишь две цели: вымолить прощение у Хэ Сюэчжэня и достичь вершины бессмертия, познав истинное Дао. Все остальное не имело значения.

Вскоре после возвращения на гору его духовное чутье уловило чужое присутствие.

Цуй Чжи небрежно скользнул божественным сознанием по склону, и его лицо исказилось от мгновенного отвращения. Это был Сыту Ни — человек, которому каким-то чудом посчастливилось стать спутником жизни Хэ Сюэчжэня! Окруженный тремя демонами, он в панике бежал прямо к его укрытию.

Как бы Цуй Чжи ни пытался сдерживаться, всепоглощающая ревность выжигала его изнутри. Он всей душой желал Сыту Ни мучительной смерти и уж точно не собирался протягивать ему руку помощи.

Цуй Чжи приготовился хладнокровно созерцать чужую гибель. Сыту Ни летел на мече, то и дело заваливаясь набок, и демоны уже настигали его, как вдруг из лесной чащи вынырнула стремительная фигура. Неизвестный на ходу расправился с преследователями, спасая беглеца.

Разочарованный Цуй Чжи уже собирался отвернуться, как вдруг произошло нечто немыслимое. Чудом спасшийся Сыту Ни порывисто обнял своего избавителя, и их губы соприкоснулись. Пусть это было лишь мимолетное, легкое как дуновение ветра прикосновение, но сомневаться не приходилось — это был поцелуй.

Цуй Чжи ошеломленно замер, не веря собственным глазам.

Если память ему не изменяла, спасителем Сыту Ни был его собственный дух меча. Цуй Чжи даже не помнил его имени.

«Какого черта они обнимаются?! Откуда эта порочная близость?!»

«Как этот мерзавец смеет так поступать за спиной у Сюэчжэня?!»

Ярость и глухая ненависть захлестнули разум Цуй Чжи с силой шторма. Тот, чьего прощения он сам безуспешно молил на коленях, был предан самым постыдным образом! Почему этот ничтожный Сыту Ни смеет пренебрегать сокровищем, которое досталось ему даром? Каково будет Сюэчжэню, когда он узнает о предательстве?!

Цуй Чжи сорвался с места и в одно мгновение предстал перед изменниками.

Сыту Цинхуань немедленно заслонил своего хозяина собой, его лицо окаменело от предельной настороженности.

Сыту Ни, узнав незваного гостя, вскинулся:

— Цуй Чжи?! Как ты смеешь показываться здесь?! Ты безжалостно убил старейшин нашего клана, и семья Сыту еще не свела с тобой счеты!

Лицо Цуй Чжи сделалось чернее грозовой тучи.

— Верно, я отправил на тот свет немало твоих родичей, — его голос сочился ядом. — И с радостью избавлюсь от еще одного. Ты посмел предать Хэ Сюэчжэня, предаваясь блуду с низким духом меча... За кого ты его держишь?!

— Что за вздор ты несешь?! — Сыту Ни залился краской, в его голосе проступила паника. — Мои отношения с Цинхуанем тебя не касаются!

— Давненько мне не дерзили столь нагло, — Цуй Чжи медленно поднял руку, готовясь к удару. — Хэ Сюэчжэнь раз за разом защищал твою никчемную шкуру, и ты окончательно потерял страх, решив, будто тебе все дозволено.

Вокруг них вновь закружились мириады золотых искр — предвестники смертоносной бури.

— Ты смеешь топтать чувства того, кто для меня дороже собственной жизни. Ты заслуживаешь смерти куда больше, чем я.

Цуй Чжи слишком долго вел себя кротко и униженно в присутствии Сюэчжэня, из-за чего Сыту Ни опрометчиво позабыл, насколько страшен Достопочтенный Данььюань в гневе. Лишь теперь липкий, ледящий страх сковал его члены. Смертельно побледневший Сыту Цинхуань изо всех сил толкнул юношу в сторону и беззвучно, одними губами скомандовал: «Беги! Зови на помощь!»

В это время в лагере Хэ Сюэчжэнь, внезапно поморщившись от резкой боли, крепко прижал ладонь к груди.

Прикинув про себя время, он с тревогой понял: близился час, когда демонический яд вновь заявит о себе.

Дворцовый владыка Янь и Чжао Доучун все еще не вернулись в лагерь. Сюэчжэнь как раз собирался отправиться к Чжао Чжэньчжэнь за Первозданной пилюлей, когда в его покои, едва держась на ногах от страха, ворвался заплаканный Сыту Ни. Вцепившись мертвой хваткой в его рукав, он истошно закричал:

— Сюэчжэнь! Цуй Чжи сошел с ума! Он убьет Цинхуаня! Умоляю, спаси его! Спаси!

Когда Хэ Сюэчжэнь, ведомый обезумевшим от горя Сыту Ни, прибыл на поляну, все уже было кончено. Истерзанное тело Сыту Цинхуаня лежало в пыли. Цуй Чжи неподвижно парил в воздухе; заметив появление Сюэчжэня, он натянуто, виновато улыбнулся.

Увиденное потрясло Сюэчжэня до глубины души. Сыту Ни с истошным воем рухнул на бездыханное тело своего защитника, заходясь в безутешном плаче и умоляя его очнуться.

Но дух меча затих навеки.

— Посмотри на них, Сюэчжэнь! — глухо произнес Цуй Чжи, опускаясь ниже. — Этот ничтожный изменник не стоит твоих слез. Разве может он быть рядом с тобой, если тайно блудил со слугой? Он недостоин тебя!

Глаза Хэ Сюэчжэня налились кровью от ярости. Никогда прежде он не испытывал столь удушающего гнева.

— Заткнись, Цуй Чжи! — выплюнул он. — Не тебе решать, кто меня достоин!

— Но почему?! — Цуй Чжи в растерянности шагнул к нему. — Он растоптал твою верность! Неужели тебе все равно? Неужели он заслуживает такой защиты?!

— Даже если он предал меня, какое тебе до этого дело?! Неужели ты думал, что если убьешь его, то я брошусь в твои объятия?! — Сюэчжэнь кричал, окончательно теряя самообладание. Цинхуань был не просто возлюбленным Сыту Ни, он был их верным соратником. — Слушай меня внимательно, Цуй Чжи! Я люблю Сыту Ни. И даже если он отдаст свое сердце другому, я приму это! Теперь тебе все ясно?! Убирайся с моих глаз!

Слова Сюэчжэня ударили Цуй Чжи наотмашь, заставив пошатнуться и отступить назад. На его лице отразилось такое отчаяние, словно его заживо лишили души.

— Нет... это неправильно, Сюэчжэнь! — взмолился он, глотая слезы. — Ты ведь любишь меня! В прошлой жизни мы были вместе, само Небесное Дао признало нас супругами! Да, я совершил непростительные ошибки, я обращался с тобой недостойно... Но я все понял, я раскаялся! Сюэчжэнь, умоляю, не говори так, не разбивай мне сердце...

— А я умоляю тебя исчезнуть из моей жизни, — ледяным тоном оборвал его Сюэчжэнь.

Он резко прошел мимо, с силой задев Цуй Чжи плечом, отчего тот пошатнулся, не в силах сопротивляться.

Сюэчжэнь опустил перед бьющимся в истерике Сыту Ни. Юноша, обезумев от горя, мертвой хваткой вцепился в его одежды:

— Сюэчжэнь... Сюэчжэнь, ты ведь можешь спасти его? Пожалуйста, сделай что-нибудь! Спаси его!

Сюэчжэнь перевел тяжелый взгляд на Цинхуаня. Будучи духом меча, лишенным плотской оболочки, тот таял на глазах, обращаясь в пыль.

Сюэчжэнь быстро заплел пальцы в сложную печать. Десятая форма Печати Истребления Демонов — Техника Сбора Демонических Душ — предназначалась исключительно для нечисти, но природа духов меча во многом походила на демоническую. Стоило рискнуть.

Белесые потоки духовной энергии устремились к печати, затягивая в себя остатки угасающей сущности. В глазах Сыту Ни вспыхнул робкий лучик надежды:

— Он... он вернется? Правда?

Хэ Сюэчжэнь не мог дать пустых обещаний. Помогая пошатнувшемуся юноше подняться, он молча наблюдал, как тело духа окончательно растворяется в воздухе.

И в этот самый миг резкая, раздирающая боль пронзила грудь Хэ Сюэчжэня. Сдавленно охнув, он покачнулся и бессильно рухнул на колени.

Сыту Ни застыл от неожиданности, лишившись дара речи. Зато Цуй Чжи среагировал мгновенно — рванулся вперед и успел подхватить падающего Сюэчжэня.

— Сюэчжэнь! Сюэчжэнь, что с тобой?! — в панике закричал он, сжимая его в объятиях.

Сюэчжэнь до боли стиснул зубы, его лицо мгновенно потеряло последние краски. Обезумевший от страха Цуй Чжи, едва сдерживая рвущиеся наружу слезы, яростно уставился на Сыту Ни:

— Что с ним?! Говори, что с ним происходит?!

Сыту Ни растерянно отступил на пару шагов:

— Я... я не знаю...

— Ты его спутник жизни! Как ты можешь не знать?! — рявкнул Цуй Чжи, окончательно теряя рассудок.

Лихорадочно роясь в закоулках памяти, он внезапно вспомнил похожий случай из прошлой жизни. Сюэчжэнь точно так же судорожно прижимал ладонь к груди, мучаясь от неведомой хвори, и умолял засыпать Бездну Спокойных Вод снегом. Лишь растянувшись прямо на ледяном сугробе, он тогда наконец смог вздохнуть спокойнее.

В тот раз Цуй Чжи лишь посмеялся над ним, назвав капризным ребенком, который упрямо валяется в снегу ради шутки.

Осознание ударило его обухом по голове. Не теряя ни секунды, Цуй Чжи высвободил колоссальную духовную силу, призывая морозные ветра. Небо мгновенно потемнело, и на иссушенную землю плотными хлопьями повалил густой снег, в считанные мгновения укрыв окрестности белым саваном. Сыту Ни, будто бы что-то вспомнив, поспешно вскочил на меч и, шатаясь, полетел в сторону военного лагеря.

Цуй Чжи лихорадочно нагреб сугроб повыше и бережно, словно хрупкое сокровище, уложил Хэ Сюэчжэня на холодное снежное ложе. Дрожащими руками он попытался нащупать пульс на его запястье, но пальцы отказывались повиноваться, а из глаз нескончаемым потоком лились слезы.

— Сюэчжэнь... за что тебе это? Что с тобой происходит?.. Это все моя вина, моя! Я снова довел тебя, прости меня, глупца...

Укрытый ледяным одеялом Сюэчжэнь почувствовал, как спасительный холод сковывает бушующий в жилах яд. Мучительная судорога отпустила его тело, и искаженное болью лицо немного разгладилось.

Кое-как совладав с паникой, Цуй Чжи попытался направить тонкую нить своего божественного сознания внутрь, но Сюэчжэнь выстроил вокруг себя несокрушимую ментальную стену, наотрез отказавшись пускать его в свое духовное море.

«Сюэчжэнь, умоляю, это я... Позволь мне помочь, дай взглянуть на твою рану...»

Но заветный рубеж захлопнулся еще прочнее, окончательно отрезав его попытки.

Горькая обида захлестнула Цуй Чжи. В прошлой жизни Сюэчжэнь никогда не закрывался от него столь глухой стеной. Но в те редкие моменты, когда любимому нездоровилось, сам Цуй Чжи был слишком слеп и самонадеян, чтобы снизойти до расспросов.

К счастью, в этот момент на поляне появился запыхавшийся Сыту Ни, ведя за собой Чжао Чжэньчжэнь. Прослышав о приступе демонического яда, женщина летела сломя голову. Бесцеремонно оттолкнув Цуй Чжи в сторону, она дрожащими руками извлекла из-за пазухи заветный флакон, вытряхнула на ладонь круглую алую пилюлю и поспешно вложила ее в рот сыну.

— Сюэчжэнь, мальчик мой, глотни... Сейчас все пройдет, матушка здесь. Бедное мое дитя, сколько же тебе приходится терпеть...

Поваленный на снег Цуй Чжи застыл, пораженный громом. Если глаза его не обманывали, это алое лекарство... было той самой Первозданной пилюлей?!

«Какая страшная хворь терзает его тело, раз ему требуется Первозданная пилюля?!»

Но озвучить разрывающий его изнутри вопрос он не успел — Сыту Ни опередил его.

— Сто лет назад, во время великой битвы бессмертных и демонов, я получила тяжелую рану от рук Лин Сюэси, — глухим, надорванным голосом заговорила Чжао Чжэньчжэнь. — В ту пору я носила Сюэчжэня под сердцем, и проклятый яд проник в его кровь еще до рождения. Все эти годы мы пытались найти лекарство, но сумели лишь отсрочить приступы — теперь они терзают его каждые десять лет. И лишь Первозданная пилюля способна на время усыпить этого зверя внутри него.

Слова женщины прозвучали для Цуй Чжи подобно небесной карающей молнии, лишив его возможности дышать. Вся его сущность оцепенела от неописуемого ужаса.

«Так вот в чем дело... Господи, так вот какова истина!..»

«Каким же слепым, ничтожным дураком я был в своей прошлой жизни!»

Первозданная пилюля была для Сюэчжэня единственным спасением от неминуемой гибели. А он, ослепленный глупостью, счел ее бесполезной безделушкой, доставшейся в наследство от ушедшего клана, и щедрой рукой отдал змее — Фань Сюэпину — ради исцеления его мелких царапин! Лишь теперь, в это страшное мгновение, до него дошло, почему в свой последний день Сюэчжэнь без колебаний утянул его за собой в могилу. Откуда рождалось то безумное, леденящее отчаяние!

Цуй Чжи отнял у любимого последний шанс на жизнь ради того, чтобы уберечь подлого, завистливого ублюдка! Он собственноручно вытолкнул своего суженого на край бездны и разрубил узы их общего будущего.

Но ужаснее всего было другое: прожив бок о бок с Сюэчжэнем почти вековую жизнь, он так и не узнал о смертельном яде, сжигающем его изнутри! Была ли то жертвенная забота Сюэчжэня, не желавшего обременять мужа своими страданиями, или же его собственное, чудовищное равнодушие к тому, кто доверил ему свою судьбу?..

А ведь он еще смел с важным видом обещать: «Раз тебе так нравится снегопад, я сделаю так, чтобы в Бездне Спокойных Вод снег шел каждый день».

«Какое жалкое зрелище! Какая горькая, убийственная издевка звучала для Сюэчжэня в этих словах!..»

С какими правами он только что набросился на Сыту Ни с яростными упреками: «Как ты мог не знать об этом?!»

Этот вопрос ему следовало задать самому себе.

<http://bllate.org/book/18268/1750913>